

8. Фуко М. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году. СПб.: Наука, 2004.
9. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.
10. Агамбен Д. Номо сасег. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011.

**ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРОПАГАНДИСТСКИЕ
МЕРОПРИЯТИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ В СССР ПО ОГРАНИЧЕНИЮ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (1954-1964 гг.)**

**ORGANIZATIONAL AND PROPAGANDA MEASURES
OF GOVERNMENT BODIES IN THE USSR TO RESTRICT
THE ACTIVITIES OF THE ORTHODOX CHURCH (1954-1964)**

И.И. Янушевич

I.I. Yanushevich

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: ivan-jan@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос взаимоотношений государства и Русской православной церкви (РПЦ) во время правления Н.С. Хрущева. Установлено, что в указанный период имели место как резкие ограничительные меры по отношению к Церкви, так и непродолжительный отрезок терпимого отношения к ее существованию в 1955-1957 гг. Определено, что инициатором усиления антирелигиозной работы был первый секретарь ЦК КПСС и его ближайшее окружение. Проанализированы пропагандистские мероприятия властей и механизмы по введению дополнительных ограничительных мер по организации деятельности Православной церкви.

The article examines the issue of the relationship between the state and the Russian Orthodox Church (ROC) during the reign of N.S. Khrushchev. It was established that during that period there were both sharp restrictive measures in relation to the Church, and a short period of tolerant attitude towards its existence in 1955-1957. It was determined that the initiator of the strengthening of anti-religious work was the first secretary of the CPSU Central Committee and his closest circle. The author analyzes the propaganda activities of the authorities and mechanisms for the introduction of restrictive measures to organize the activities of the Orthodox Church.

Ключевые слова: Православная церковь; историческая память; антирелигиозная пропаганда; коммунистическая партия.

Keywords: Orthodox Church; historical memory; anti-religious propaganda; communist party.

Победа в Великой Отечественной войне продемонстрировала какие силы и средства эффективны в борьбе с агрессором. Десятки миллионов верующих людей, гонимых и унижаемых в 1917 – 1941 гг. поднялись с полной отдачей, незабвенно и на фронте, и в тылу защищать Отчизну. Авторитет Русской православной церкви (РПЦ) после Победы советского народа в Великой Отечественной войне был высок и в СССР, и за рубежом. Перед властями стояла задача использовать этот фактор во внешней политике, и одновременно максимально ограничить ее деятельность на Родине. При жизни И.В. Сталина активисты безбожия еще боялись опровергнуть порицательные слова митрополита Сергия 22 июня 1941 г.: «Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: «Больши сея любви никтоже иматъ, да кто душу свою положит за други своя». Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой ради родины» [1, с. 223]. В 1954-1964 гг. в духе 1920-х гг. и 1937-1938 гг. начался новый этап уничтожения РПЦ. В историографии данный вопрос рассмотрен очень подробно. Достаточно большое количество работ посвящены изучению истории РПЦ [23], истории Православной церкви в БССР [4-5], истории отдельных епархий и личностей [6-7]. В данной статье стоит целью рассмотреть вопрос реализации политики разрыва исторической памяти советского народа на примере борьбы с РПЦ. Источниковую базу исследования составляют материалы архивов Республики Беларусь [8-9] и законодательные акты СССР о религиозных культах [10].

В СССР в 1946 г. было 10 544 действующих храма, в 1949 г. – 14 477 [3, с. 273-274]. Их окормляли 9254 клирика в 1946 г. и 13 483 в 1950 г. [3, с. 274]. Это обстоятельство не могло не расстраивать и местных антирелигиозников, и высших партийных деятелей, предполагавших покончить с религией и церковью еще в 1930-е гг. Следует отметить, что уже в 1920-1930-е гг. эффективность антирелигиозной работы партийные органы оценивали по количеству закрытых храмов [7, с. 99-102]. Наличие зарегистрированного культового здания, церковно приходского совета, священнослужителя свидетельствовало о недостаточном внимании к атеистическому перевоспитанию масс со стороны местных властей, хотя даже НКВД указывал на ошибочность подобной методики определения религиозности населения [8, л. 177]. Однако к началу 1950-х гг. именно сторонники административных методов борьбы с религией и церковью стали отвечать за данное направление в государственной конфессиональной политике. Антирелигиозниками были

определены наиболее враждебные советской идеологии церковные институты. Значимое место в духовной жизни православных верующих стали занимать монастыри. Обители и раньше являлись местом притяжения миллионов паломников, но в безбожном государстве вырваться в другой привычный для мировоззрения мир было особенно важно. Эмоционально монастырский дух, насельники, духовники, богослужения очень сильно воздействовали и на верующих, и на просто случайных или ищущих себя людей. Оказавшись в обители, человек попадал в совершенно иную атмосферу, способствующую как укреплению веры у верующего, так и расшатывающую материалистические убеждения у атеиста. Осуществить контроль за распространяемой там информацией о церковной жизни, антирелигиозной деятельности партийно-государственных структур органам было затруднительно. Поэтому наиболее эффективной в борьбе за умы граждан, по мнению ответственных работников, была ликвидация обителей и разгон монашествующих. Предваряли закрытия агрессивные информационные кампании, разоблачающие «мракобесие» насельников, корыстолюбие настоятелей, «антисанитарию» и прочие недостойные советского общества явления. 16 октября 1958 г. было издано постановление Совета Министров СССР «О монастырях в СССР». Им было предписано на местах сократить размеры монастырских угодий [10, с. 109]. Минимальный порог в постановлении не указывался, поэтому на местах подходили с максимально возможной урезкой. Устанавливались повышенные ставки налога с земельных участков для монастырей [10, с. 108].

Успехи в ликвидации монастырей у властей были значительные. Если в середине 1950-х гг. их насчитывалось 90, то в 1958 г. – 63, то в 1961 г. – 33 [2, с. 274; 6, с. 269]. Пунктом 4 постановления «О монастырях в СССР» было предписано «в 6-месячный срок изучить вопрос о возможности сокращения монастырей и скитов» [10, с. 109]. Но и эти цифры не удовлетворяли ответственных антирелигиозников и власти на местах. И на самом деле монастырь был значительной проблемой, особенно для местных властей. На престольные и двенадесятые праздники, особенно на пасху туда съезжались порой десятки тысяч людей, что никак не коррелировало с лозунгом о тотальном отходе населения от религии [11, с. 325]. Имел место рост числа желающих связать свою жизнь с монашеством. Из закрываемых обителей насельники перемещались в действующие. С целью предотвращения увеличения штата монастырей местными властями (в соответствии с секретными указаниями) запрещалось проводить прописку новых людей к монастырям [12, с. 81]. Особенно это касалось молодежи [3, с. 304]. Имели место принудительные выселения монашествующих и трудников, профилактические бесе-

ды в компетентных органах. Юношей призывного возраста препровождали в армию. Власти максимально старались забрать помещения для проживания монашествующих и паломников. Административными мерами властями было проведено сокращение количества монастырей, подорвана материальная база для организации духовно-просветительской работы, ограничены способы легального пополнения числа монашествующих и трудников. В то же время говорить об их исчезновении из памяти верующих людей абсолютно неверно. Многие перешло в разряд легенд и устных пересказов. Некоторые сестры Спасо-Евфросиньевского монастыря, например, расселились в городе и близлежащих селениях и, скорее всего, как и в после закрытия обители в 1924 г., продолжали духовное окормление местных жителей [12, с. 84].

Параллельно с административными мерами партийцами и комсомольцами организовывалась и агрессивная антирелигиозная пропаганда. 7 июля 1954 г. было принято постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения». В духе 1920-х гг. в постановляющей части указывалось: «Надо решительно покончить пассивностью в отношении к религии, разоблачать реакционную сущность религии и вред, который она приносит, отвлекая часть граждан от сознательного и активного участия коммунистическом строительстве» [10, с. 36]. К решению вопроса были привлечены ведущие специалисты Академии наук СССР. Для получения максимального эффекта предполагалось использовать «все многообразные формы и средства идейно-политического воздействия на трудящихся на их родном языке – лекции, доклады, беседы, печать, радио, кино, театр» [10, с. 37]. На местах буквально однозначно восприняли стиль «в духе воинствующего материализма», и уже 10 ноября 1954 г. выходит постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», констатирующее вопиющие безобразия: административное давление на церковноприходские советы, оскорбления клира и верующих, непрофессиональные полуграмотные лекторы [10, с. 40-45]. Между тем ситуация 1920-х–1930-х гг. не могла уже повториться. Партия официально признала, что некоторые активные строители коммунизма еще «находятся под влиянием всякого рода верований». Да и Церковь уже была не «контрреволюционной», а просто «реакционной», что требовало не революционной решимости в борьбе с ней, а научно-атеистического наступления, хотя альтернативы административным мерам пока у руководства не было [9, с. 154-165].

В конце 1950-х гг. подобное просветительство и примиренчество не могло удовлетворять руководство партии. К этому времени начал активно обсуждаться как реально имеющий предпосылки к реализации

план построения коммунизма в СССР. Многим движение к данной цели представлялся как вопрос predetermined всем ходом истории и все ненужное, вредоносное на данном пути стоило как можно быстрее отместить. Задача антирелигиозников состояла в том, чтобы у населения было четко сформулировано представление о религии и церкви как тормозе в развитие советского общества, угрозе его плодотворного, созидательного начала. Религия должна ассоциироваться у людей как существенная преграда на пути экономического развития и конкурентоспособности советского государства. Еще в период «церковной оттепели» в 1957 г. Н.С. Хрущев обозначал: «Народное просвещение, распространение научных знаний, изучение законов природы не оставляют места для веры в бога» [2, с. 360]. Одной из причин ужесточения позиции партии по отношению к РПЦ было ее значительное укрепление как в экономическом, так и в информационно-просветительском плане. Количество участвующих в богослужениях, особенно в дни Пасхи постоянно возрастало, а это было как тест на определение религиозности компетентными товарищами. Не заметить достижения конкурента партийцы не могли, а использовать все то полезное для человека и общества, что давала Церковь, было невозможно. Третья программа КПСС и ее обновленный устав, принятые на XXII съезде КПСС в 1961 г., включали и Моральный кодекс строителя коммунизма, в целом значительно переключившийся с христианским учением. Утвержденный съездом текст Программы завершал недвусмысленный лозунг: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» [13, с. 34]. Мировоззрение строителя коммунизма должно было формироваться устоявшимися советскими, партийными, комсомольскими и иными конструктивными институтами. И здесь следует отметить, что официальные структуры во многом проигрывали в борьбе за умы граждан. Имевшее место казенное, чисто административное навязывание мировоззренческих идеалов, особенно прошедшим лагеря, военное лихолетье, уже не достигало должного эффекта [9, с. 185-194]. Одним из первых шагов нового наступления на религию была очистка церковных библиотек. Многие книги изымались, некоторые ставились на цензорский контроль. Инструкцией «О порядке пропуска в СССР религиозной литературы и предметов религиозного культа» ставился заслон на попадание в Советский Союз нежелательных изданий, в то время как антирелигиозные произведения выходили массовыми тиражами. 28 ноября 1958 г. ЦК КПСС принял постановление «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам»» [2, с. 363]. Документ предусматривал осуществить в срок до шести месяцев полный запрет на доступ к подобным значимым для верующих местам.

Кардинально новый этап неконкурентной борьбы с религией начался после XXII съезда КПСС в 1961 г. По сути, обозначенный Н.С. Хрущевым 1980 г. как окончательный срок построения коммунизма означал и срок исчезновения религии и церкви в СССР. За период с 1917 г. работникам безбожия удалось многое. Примерно половина граждан публично не ассоциировала себя с верующим человеком [9, с. 191-195; 14, с. 74]. Однако и в 1917 г. было значительное число атеистов, а еще больше тех же мнимых православных. Победить религиозность населения практически было не реально, возможно, поэтому в запале Хрущев и пообещал показать по телевизору в 1975 г. «последнего попа» [15, с. 25]. Многие исполнители программных установок партии в области религии, в том числе на высшем уровне, понимали сложность задачи привития атеизма в умы верующих людей. Но «попа» надо было показывать и поэтому в более агрессивной форме проводится начатая в 1958 г. кампания по «попоедству» и «богоборству». Научно-атеистическая пропаганда на проходившей в феврале 1962 г. Всесоюзной конференции была дополнена лозунгом о необходимости, как и в 1920-1930-е гг., создания религии «без мнимых богов» «для удовлетворения эстетических и эмоциональных потребностей масс [2, с. 377]. На местах необходимо было обеспечить возможность продвижения социалистической обрядовости, соответствующей запросам населения при максимальном содействии официальных структур. Рождение, смерть, брак и все иные важные события в жизни человека должны были освящаться советской властью. Как и в 1920-1930-е гг., в это время новая обрядность существовала параллельно с религиозной и требовала массированного административного внимания и поддержки, в том числе уголовного преследования духовенства и верующих, дисциплинарных взысканий для ослушавшихся партийцев и комсомольцев, закрытия и разрушения храмов [9, с. 188, 199-204].

Первейшее значение пропагандистам следовало уделить молодежи. Дух времени направлял многих молодых людей на мировоззренческие поиски, в том числе смысла жизни, путей развития общества, определения собственного места в системе координат. Государству важно было не дать молодому человеку свернуть с официально популяризируемой дороги строителя коммунизма. И наверху, и на местах знали цифры по количеству совершаемых религиозных обрядов, видели тысячи людей у храмов, несмотря на возможные санкции, понимали, что верующий может быть и продуктивней, и полезней для народного хозяйства, но... Но у него может возникнуть мысль что-то усовершенствовать или изменить вне установленных рамок. Традиционная религиозность человека, если не учитывать некоторые догматы, пропустить историю строителей ва-

вилонской башни и др., была вредна и опасна для социалистического строительства только при реализации программных документов коммунистической партии в области борьбы с религией и церковью [15, с. 16-34]. В стране начинается тотальное наступление на вероятные очаги религиозности и религиозной деятельности. В вузах вводится курс научного атеизма, школьные программы наполняются резким антицерковным содержанием. Молодые люди полностью должны лишиться возможности соприкосновения с религией и церковью. На XIV съезде ВЛКСМ в апреле 1962 г. прозвучало даже такое заявление: «Свобода совести не распространяется на детей, и ни один родитель не имеет права калечить свое дитя духовно» [2, с. 377]. На общегосударственном уровне были приняты меры для «помощи» родителям. В трудовых коллективах, общественных организациях при рождении ребенка его мать и отец подвергались обработке о «неправильности» церковного крещения. Дружинники и милиция препятствовали несовершеннолетним участвовать в богослужениях. Возле храмов и внутри осуществлялся постоянный контроль. Родителей могли вызвать в соответствующие органы и под угрозой передачи детей в интернат заставить их прекратить посещения богослужений [2, с. 377]. Уполномоченные по делам РПЦ и местные власти всячески «стимулировали», чтобы и священнослужители участвовали в процессе недопущения детей в храмы. Это противоречило христианским догматам, но имело место, как и «расстриги» клириков. [17]. Вся административная и идеологическая вертикаль старалась максимально направить молодежь по установленной траектории – октябренки, пионер, комсомолец, кандидат в члены КПСС (для верно движущихся по траектории). На всех этих этапах молодого человека от религии и церкви должен был сопровождать бдительный атеистический актив [17, с. 310-313]. Безусловно, подобные действия содействовали тому, что сначала человек не мог стать воцерковленным, а затем формировался атеист, в том числе с множеством забобов и веры в приметы. Хотя, конечно, в верующих семьях, с крепкими религиозными традициями у детей была возможность сохранения веры и сосуществования со сверстниками атеистами. К 1964 г. был уже накоплен определенный опыт борьбы с религией и церковью в соответствии со складывающейся внутренне и внешнеполитической обстановкой. В январе текущего года под обещание «показать последнего попа» идеологическая комиссия ЦК КПСС разработала «Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения». Данный документ предусматривал комплексный подход к вопросу. Фактически в случае его исполнения были основания предполагать, что у государства появлялась реальная пер-

спектива ликвидации официально функционирующих религиозных организаций.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что для периода 1954-1964 гг. характерно отсутствие последовательной государственной политики по отношению к религиозным организациям и первую очередь к РПЦ. Над ответственными за антирелигиозную политику довели результаты деятельности РПЦ во время Великой Отечественной войны и десятилетия «симфония» 1943-1953 гг. Несмотря на имеющиеся идеологические противоречия, неприемлемые для партнеров действия сторон, обоюдная польза была громадной. Атеисты получили в критический момент поддержку от религиозных институтов и в моральном, и в материальном плане. Церковь смогла реализовать свое право на духовное служение народу. Однако спроектированный в ЦК КПСС очередной этап социалистического строительства требовал «строителя», рассматривающего лозунг построения коммунизма как единственно возможный путь для его персонального существования и для развития и сохранения государства и общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Одинцов М.И. Власть и религия в годы войны. М.: РОИР, 2005.
2. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, 2010.
3. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995.
4. История Русской Православной Церкви / Сост. В.А. Цыпин, Г.В. Демидов и др. М.: Просвещение, 2017.
5. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII –XX ст.) / В. В. Грыгор'ева, У. М. Завальнюк і інш. Экаперспектыва, 1998.
6. Кривонос Ф. Белорусская Православная Церковь в XX столетии. Минск: Врата, 2008.
7. Янушевич И.И. Агитационно-пропагандистское сопровождение атеистического воспитания в БССР (1937-1941 гг.) // Актуальные проблемы гуманитарного образования: материалы I Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию гуманитарного факультета, Минск, 1 – 3 окт. 2014 г. Минск, 2014. С. 98-103.
8. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13219.
9. Законодательство о религиозных культах: сб. материалов и документов / Под ред. В.А. Куроедова. М. : Юрид. лит., 1971.
10. Слонімшчына вачыма навукоўцаў і краязнаўцаў: матэрыялы рэгіянальнай гісторыка-краязнаўчай канферэнцыі, прысвечанай 750-годдзю горада Слоніма і 70-годдзю заснавання Слонімскага раённага краязнаўчага музея імя І.І. Стаброўскага / Склад: Д.С. Аляшкевіч, І.П. Крэнь. Слонім: Слонінская друкарня, 2002.
11. Монастырь у церкви Спаса: Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь от древности до наших дней. Минск: Орех, 2007.

12. Дрейслер И. С. Советское право и моральный кодекс строителя коммунизма. М.: Юридическая литература, 1964.
13. Православная церковь на Витебщине (1918-1991): док. и материалы / Гл. ред. М.В. Пищуленок. Минск: НАРБ, 2006.
14. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996.
15. Атеизм в СССР: становление и развитие // А.Ф. Окулов (ответ. ред.). М.: Мысль, 1986.
16. Шкаровский М.В. Антирелигиозные гонения 1958–1964 гг. в Ленинградской епархии и противостояние им митрополита Никодима (Ротова) // Вестн. Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 2. С.19-33.
17. Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности рамками закона. Из отчета Совета по делам религий – членам ЦК КПСС. [Электронный ресурс] // URL: http://www.odinblago.ru/otchet_soveta_religii/http://wiki.starover.net/index.php?title (дата обращения: 17.02.2021).
18. Круглов А.А. Основы научного атеизма. Минск: Беларусь, 1983.